

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 008

Е.А. НАЙДЕНКО

ОСОБЕННОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ Л. ШЕСТОВА

Найденко Елизавета Анатольевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Краснодар, ул. Буденного, 161), naidenko07@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные особенности философского дискурса Л. Шестова в противопоставлении их современным воззрениям постмодернизма. Традиция отечественной философии позиционируется, прежде всего, с точки зрения нравственных ценностей.

Ключевые слова: экзистенциализм, постмодернизм, норма, правило, добро, зло, свобода.

UDC 008

E.A. NAYDENKO

FEATURES OF EXISTENTIAL THINKING BY L. SHESTOV

Naydenko Elizaveta Anatolyevna, candidate of philosophical sciences, associate professor of the cathedra of philosophy, cultural studies and social communications of the Kuban state university of physical culture, sport and tourism (161, Budennogo st., Krasnodar), naidenko07@mail.ru

Abstract. The article considers the conceptual features of L. Shestov's philosophical discourse in their contrast to modern views of postmodernism. The tradition of domestic philosophy is positioned, first of all, in terms of moral values.

Keywords: existentialism, postmodernism, norm, rule, good, evil, freedom.

Отмечая возросший интерес исследователей к отечественному философскому наследию, мы полагаем его ответом на экспансию философских трудов эпохи постмодерна, представленных в зарубежных работах и активно постулируемых рядом современных исследователей. Так, например, в настоящее время укоренилось понятие «постпостмодернизм». В связи с этим приведем ироничное замечание Б.П. Борисова о том, что в буквальном переводе «постмодерн» означает не что иное, как «после современности», то есть пустоту [1, с. 153]. Солидаризируясь с автором, зададим отнюдь не риторический вопрос о том, что же исследуется в пустоте пустоты?

Поиск ответов, источников и истоков данной проблематики в традиции русской философской мысли объясняет наше обращение к взглядам Льва Шестова, русского философа и литератора Серебряного века, предвосхитившего концепции позднейшего экзистенциализма и, что особенно значимо, будущие мировые катастрофы.

Процесс развертывания экзистенциального мышления Л. Шестова наиболее зримо представлен в работах «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше» (мы сохраняем написание автора. – Е.Н.) и «Афины и Иерусалим», переиздание которой актуализировало внимание философского сообщества к воззрениям Л. Шестова.

Однако, на наш взгляд, следует задаться вопросом о том, в чем причины данного внимания? Тем более, что вектор современных исследований, так или иначе направлен на постмодерн? По нашему мнению, изначально это агностицизм в воззрениях Л. Шестова, поскольку именно в упомянутой нами работе философ утверждает, что «Знания отягчают нас и связывают, а совершенное мышление превращает нас в безвольное,

покорное существо, умеющее искать, видеть и ценить в жизни только «порядок» и установленные «порядком» законы и нормы» [2, с. 179]. Здесь же высказывается мысль о том, что в самой теории познания верховенствует идея необходимости, а в этике «потускневшая и ослабленная» та же необходимость, но представленная как «долженствование».

Однако главную задачу книги «Афины и Иерусалим» Л. Шестов формулирует следующим образом: «Стряхнуть с себя власть бездушных и ко всему безразличных истин», а эпитафией к первой части выбирает слова Аристотеля: «Необходимость не слышит убеждений», – в чем явно прослеживается тенденция отрицания поклонения власти абсолютных истин, «поклонения», начавшегося в античности и присущего дальнейшей европейской философии.

Таким образом, Л. Шестов полагает, что абсолютизация непреложных истин присуща не только философии, но и эмпирической науке: ученому тоже неинтересны факты как таковые, он, по образному сравнению Л. Шестова, исследуя каплю дождевой воды, желает узнать, что такое капля вообще или вода вообще, при этом не интересуясь конкретной каплей.

По мысли философа, первую попытку вырваться из оков метафизических истин предпринял Платон. Л. Шестов ссылается на диалог «Пир», в котором приводится рассуждение о том, что духовный глаз становится зорким, когда телесные глаза начинают терять свою остроту. Естественный глаз видит то, что есть, при власти же духовного глаза то, что он видит, становится тем, что есть. В диалоге «Федон» Платон определяет философию как упражнение в смерти. При этом умирание и смерть «ослабляют телесный глаз, тем самым подрывая власть истин, и душа чувствует свое истинное предназначение: повелевать, а не повиноваться» [2, с. 31].

В этой связи Л. Шестов вспоминает и Плотина, считавшего, что знание не освобождает, а порабощает; и Юма, отрицавшего необходимость. Философ подчеркивает, что вся философия, начиная с античности, не открывает истину, поскольку то, что принимается нами как истина посредством мышления, по мнению Л. Шестова, является несоизмеримым не только реальному миру нашего бытия, но и собственно личному мироощущению отдельного человека, его опыту, эмоциональному, чувственному отношению к рациональной истине. Именно эту несоизмеримость акцентирует философ.

В противовес умозрительной философии, преклоняющейся перед разумом, Л. Шестов, вслед за С. Кьеркегором, полагает философию абсурда, а начало философии связывает не с удивлением, а с отчаянием. Истина, по его мнению, открывается эмпирической личности, погруженной в тайны индивидуального бытия.

Этическую проблематику (свобода, добро, зло) Л. Шестов опять-таки рассматривает через призму гносеологии: связь между знанием и добром означала потерю свободы. По его мнению, Сократ и Спиноза по примеру первого человека поменяли плоды с древа жизни на плоды с древа познания, в результате чего человеку осталось выбирать между добром и злом, а это, по мысли философа, является потерей свободы, поскольку свободен тот, кто может не допускать зло в этот мир.

Л. Шестов уверен в том, что, сбросив с пьедестала необходимость, человеку удастся вернуть свою истинную свободу, утраченную когда-то первым человеком. Преклонение перед разумом и моралью должно быть преодолено. Но стоит ли проводить здесь параллели с постмодернизмом? На наш взгляд, они некорректны, поскольку вектор философии Л. Шестова – от агностицизма к наследию С. Кьеркегора. Подобно позиции датского теолога, согласно которой становление истинного христианина возможно только через негативные состояния, Л. Шестов связывает рождение личности с пережитыми трагедиями и ужасами жизни.

Предисловие к работе «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше» автор начинает словами В. Белинского об ответственности за смерть каждого человека в мировой истории. Л. Шестов согласен с тем, что жизнь человека имеет самостоятельное

значение, но полагает, что и зло также имеет значение, являясь необходимым фактором спасения. Таким образом, путь человека к спасению лежит через «ужасы жизни» (зло). Связь добра со спасением разрывается.

Подзаголовок статьи «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше» – философия и проповедь. Философия, по мысли Л. Шестова, «должна начинаться там, где возникают вопросы о месте и назначении человека в мире, о его правах и роли во вселенной и т.д.» [3, с. 86]. И в этом контексте «Война и мир» Л. Толстого является произведением философским. Автор никого не осуждает, не оценивает: «он никого не хотел учить, полагая, что все учатся у жизни и каждый получает свое» [3, с. 91]. Все ужасы войны 1812 года представляются осмысленными и имеющими законченный характер, во всем Л. Толстой видит руку Провидения, которое заботится о слабом человеке.

Другое дело «Анна Каренина», в оценке этого произведения Л. Шестов видит попытку Л. Толстого сделать свое мировоззрение непреложной истиной: Анна, нарушившая «правило», погибает мучительной смертью. В этом проповедническая суть романа.

Сравнивая «Преступление и наказание» Ф. Достоевского и шекспировского «Макбета», Л. Шестов полагает, что Достоевского преступление интересует с позиции значения его для души преступника, и высший смысл жизни видит в подчинении правилу (в данном случае «не убий»), раскаяние представляется единственным способом стать на путь добра. У Шекспира преступление рассматривается как деяние, приносящее зло людям; за Макбетом он оставляет человеческие права – думать о себе, о своем спасении, но не покаянии. «Чем безжалостней преследуют Макбета фантастические призраки, тем энергичнее он готовится к отпору... он не смиряется.... Ибо как бы ужасно ни было прошлое человека, как бы он ни раскаивался в своих делах, – никогда он в глубине своей души не признает себя справедливо отверженным людьми и Богом» [3, с. 84]. Далее философ приходит к заключению о том, что попытка человека убедить других в своей истине, т.е. сделать свою позицию общеобязательной, проистекает не из нравственных побуждений (любовь к ближнему и т.п.), а из желания внушить людям, что он служит добру и является достойным человеком.

Очевидно, что экзистенциальный дискурс Л. Шестова подтверждается реалиями нашего времени. Постмодернизм распрощался с идеей универсальности. Отныне человек «освобожден» от морали и не стоит перед выбором добра или зла. Но проблемным вопросом нашей статьи является: обрел ли человек свободу в понимании и воззрениях самого философа?

Литература

1. *Борисов Б.П.* Постмодернизм. М.; Берлин, 2015. 315 с.
2. *Шестов Л.* Афины и Иерусалим. URL: <https://www.koob.ru>
3. *Шестов Л.* Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 59-128.

References

1. *Borisov B.P.* Postmodernizm [Postmodernism]. Moscow; Berlin, 2015. 315 p.
2. *Shestov L.* Afiny i Ierusalim [Athens and Jerusalem]. URL: <https://www.koob.ru>
3. *Shestov L.* Good in the teachings of c. Tolstoy and F. Nietzsche // Voprosy filosofii. 1990. № 7. P. 59-128.